

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

• ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА •

РЕКС СТАУТ

Завещание

Рекс Стаут Завещание

WHERE THERE'S A WILL

Copyright © 1940 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and
The Van Lear Agency

All rights reserved

© Е. А. Копосова, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

Глава 1

Я опустил на стол справочник «Кто есть кто в Америке» за 1938–1939 годы, потому что держать его в руках в такой жаркий день становилось тяжело.

– Их зачали через равные промежутки времени, – возвестил я. – Если они не приврали, подавая сведения о себе, то Эйприл сейчас тридцать шесть лет, Мэй – сорок один, а Джун – сорок шесть. Каждые пять лет по дочке. Очевидно, родители начали с середины календаря и двинулись к началу, и так же очевидно, что первую дочь они назвали Джун, потому что она родилась в июне тысяча восемьсот девяносто третьего года. Но следующе имя уже указывает на некоторую работу воображения. Сдается мне, это мама постаралась. Вторая девочка появилась на свет в феврале, но назвали ее Мэй...

Ниро Вулф с закрытыми глазами откинулся на спинку кресла, и ничто не указывало на то, что он слышит меня. Тем не менее я продолжал. В этот знойный июльский день, несмотря на шикарный ланч, поданный Фрицем, жизнь меня не радовала. Отпуск у меня закончился. Новости из Европы были таковы, что хотелось понатыкать вдоль побережья через каждые десять ярдов столбики с табличками: «Частный берег. Акулам и государственным деятелям вход запрещен». На моих руках красовались бинты, покрывая те места, куда меня до крови искусаи канадские черные мухи. Хуже всего было то, что Ниро Вулф ударился в фантастические траты, остаток на банковском счете достиг небывалого за последние годы минимума, а наш сыскной бизнес загибался. И сугубо из чувства противоречия, вместо того чтобы разделить со мной тревогу о состоянии дел, Вулф на этот раз занял позицию непротivления естественному ходу жизни. Чем довел меня до белого каления. Может, он и впрямь настолько эксцентричен, чтобы с наслаждением испытывать на себе любимом «новый курс» и деятельность АОЗ –

Администрации общественной занятости. Что до меня, то я готов видеть в этой аббревиатуре только один смысл – Арчи Озабочен Зарплатой.

Так что я продолжал зудеть:

– Все зависит от того, что их гложет. Наверняка что-то весьма болезненное, иначе они не стали бы в полном составе просить вас о встрече. После смерти их брата Ноэля у них не должно быть проблем с финансами. Ноэль здесь тоже упомянут. – Я хмуро уставился на справочник. – Ему было сорок девять лет, то есть он опережал Джун, старшую из сестер, на три года. Ноэль был правой рукой Каллена в адвокатской конторе «Дэниел Каллен энд компани». Всего добился сам, начав работать в фирме в тысяча девятьсот восьмом году курьером за двенадцать баксов в неделю. Об этом писала позавчера «Таймс» в некрологе. Вы читали? – Вулф не шелохнулся; я скорчил гримасу и продолжил: – До их прихода еще минут двадцать, поэтому, так и быть, поделюсь с вами плодами своих изысканий. В журнальной статье, которую я раскопал, куда больше информации, чем в «Кто есть кто», там приводится масса интересных и красочных подробностей. Например, то, что Мэй носит хлопчатобумажные чулки с тех пор, как японцы бомбили Шанхай, или что мамочка была потрясающей женщиной, поскольку произвела на свет четырех экстраординарных детей. Лично я никогда не понимал, почему в подобных случаях подразумевается, что вклад отца ничтожно мал, впрочем сейчас у нас нет времени обсуждать это. Как-никак мы встречаемся не с отцом, а с его экстраординарными детьми. – Я перевернул страницу журнала. – Подытожим, что нам известно о Ноэле, который скончался в этот вторник. Похоже, на его рабочем столе в офисе «Дэниел Каллен энд компани» на Уолл-стрит был установлен ряд кнопок – по одной для каждой страны Европы и Азии, не говоря уже о Южной Америке. Стоило ему нажать на кнопку – и правительство соответствующей страны тут же подавало в отставку, не забыв осведомиться у Ноэля, кого бы он хотел видеть на их месте. Нельзя не согласиться с тем,

что это экстраординарно. Старшая дочь Джун родилась, как я уже говорил, в июне тысяча восемьсот девяносто третьего года. В возрасте двадцати лет она написала дерзкую, сильно нашумевшую книгу под названием «Скачки без седла», а годом позже еще одну, «Приключения одной пташки». Затем она вышла замуж за блестящего нью-йоркского адвоката по имени Джон Чарльз Данн, который в настоящий момент занимает пост Государственного секретаря Соединенных Штатов Америки. На прошлой неделе он послал в Японию очень убедительное письмо. Журнал утверждает, что стремительной карьерой он во многом обязан своей необыкновенной жене. И тут снова мамочка постаралась. Джун на самом деле тоже уже мама двоих детей: сына Эндрю, двадцати четырех лет, и дочери Сары, которой двадцать два. – Я переменял позу, закинув ноги повыше. – Два других экстраординарных ребенка по-прежнему носят фамилию Хоторн. Мэй Хоторн никогда не была замужем. Ее уже можно привлечь по антимонопольному закону за использование такого количества мозговых извилин. К двадцати шести годам Мэй произвела революцию в коллоидной химии. Не знаю, в чем это проявилось, что-то связанное с пузырьками и каплями. С тысяча девятьсот тридцать третьего года она является президентом колледжа Варни и за эти шесть лет увеличила его фонды на двенадцать миллионов баксов, переключившись с коллоидного на колоссальное. Итак, мы видим, что у нее экстраординарный интеллект.

Я был неточен, говоря, что две другие сестры по-прежнему носят девичью фамилию. В случае с Эйприл правильнее сказать «опять» вместо «по-прежнему». Когда в тысяча девятьсот двадцать седьмом году она штурмом брала Лондон, то взглянула на распростертых у ее ног аристократов и выбрала герцога Лозано. Четыре других герцога, несколько графов и баронов, а также два «мыльных короля» покончили жизнь самоубийством. Но увы. Три года спустя, беря штурмом Париж, она развелась с Лозано и вновь стала Эйприл Хоторн как в частной жизни, так и официально. Она единственная

актриса из ныне здравствующих и уже почивших, которая сыграла и Джульетту, и Нору. В настоящее время она штурмом берет Нью-Йорк – в восьмой раз. Могу подтвердить это лично, поскольку месяц назад я заплатил спекулянту пять долларов пятьдесят центов за билет на «Омлет». Если помните, я и вас уговаривал посмотреть этот спектакль, исходя из того, что раз Эйприл Хоторн стала признанной королевой американской сцены, то вы просто обязаны ее увидеть.

Вулф даже бровью не повел. Никак мне было не расшевелить его.

– Конечно, – с сарказмом произнес я, – просто возмутительно, что эти экстраординарные девицы Хоторн не проявили ни капли уважения к вашему праву на частную жизнь и намерены заявиться сюда прежде, чем вы переварите ваш ланч. Не важно, что у них за проблемы, не важно, если их брат Ноэль оставил каждой из них по миллиону и они хотят заплатить вам половину этой суммы за то, чтобы вы приставили хвост к их банкиру, – все равно им следовало соблюдать правила элементарной вежливости. Когда Джун позвонила утром, я сказал ей...

– Арчи! – Вулф открыл глаза. – Я понимаю: ты называешь незнакомую тебе миссис Данн по имени, потому что считаешь, будто меня это раздражает. Да, меня это раздражает. Не делай так. Заткнись!

– Я сказал миссис Данн, что с их стороны это недопустимое посягательство на ваше неотъемлемое право сидеть здесь в покое и наблюдать за тем, как наш банковский счет исчезает в сгущающихся сумерках медленного, но неминуемого угасания вашего интеллекта и плачевного коллапса вашего инстинкта самосохранения...

– Арчи! – Вулф стукнул кулаком по столу.

Пора было отступить, но от этого неприятного маневра я был спасен появлением Фрица Бреннера в проеме распахнувшейся двери. Фриц сиял, и я мог догадаться почему. Вероятно, посетители, о приходе которых он собирался возвестить, показали ему весьма многообещающими клиентами в плане их платежеспособности. В старом доме на Тридцать пятой улице рядом с Гудзоном, где жил

Ниро Вулф, не было других секретов, кроме профессиональных. Я, будучи его секретарем, телохранителем и главным помощником, по долгу службы не мог не знать, что наши финансы оскудели до предела, но и Фриц Бреннер, повар и мажордом, и Теодор Хорстман, хранитель знаменитой и очень дорогой коллекции орхидей, которую Ниро Вулф содержал в оранжерее на крыше, тоже об этом знали. Так что Фриц, очевидно, сиял оттого, что внешний вид троицы, о прибытии которой он объявил, предвещал самый крупный гонорар, какого мы не видели уже много недель. Он с шиком представил гостей.

Вулф без всякого энтузиазма велел привести их в кабинет. Я снял ноги со стола.

Хотя экстраординарные сестры Хоторн не слишком походили друг на друга, я, рассаживая их по стульям и тактично изучая, решил, что они, пожалуй, и правда дочери одной и той же потрясающей матери. Эйприл я уже видел на сцене; теперь же, при ближайшем рассмотрении, я готов был признать, что она могла бы взять штурмом и кабинет Ниро Вулфа, появись у нее такое желание. Она выглядела страстной, капризной, прекрасной и сногшибательной. Когда она поблагодарила меня за придвинутый стул, я решил, что женюсь на ней, как только накоплю достаточно денег на новые ботинки.

Мэй, гигант мысли и президент колледжа, удивила меня. Она выглядела вполне милой. Позже, узнав, как решительно у нее сжимаются губы и каким непререкаемым бывает ее тон при необходимости, я кардинально пересмотрел свою оценку, но тогда она показалась мне просто милой, безобидной и моложе среднего возраста. Джун (для вас миссис Данн) отличалась большей стройностью, чем младшие сестры, чуть ли не худобой, сидящими волосами и беспокойными горящими темными глазами – глазами человека, который никогда не был и не будет полностью удовлетворен. Общим в их внешности был, пожалуй, лоб – широкий,

довольно высокий, с выраженными височными впадинами и хорошо заметными надбровными дугами.

Джун представила всех присутствующих: сначала себя и сестер, затем двоих пришедших с ними мужчин. Их звали Штауффер и Прескотт. Штауфферу, наверное, еще не исполнилось сорока, он был лет на пять старше меня и выглядел бы недурно, если бы так не напрягался. Он как будто стремился соответствовать чему-то. Второй мужчина, Прескотт, около пятидесяти лет, роста был пониже среднего, с округлым брюшком, судя по которому шнурки на ботинках его обладатель завязывал с определенным трудом. Конечно, со сферическим великолепием Ниро Вулфа это брюшко не шло ни в какое сравнение. Я вспомнил, что видел портрет Прескотта в газете, где объявлялось о его избрании на какой-то пост в Адвокатскую палату. Значит, это Гленн Прескотт из юридической фирмы «Данвуди, Прескотт энд Дэвис». Одет он был в рубашку и галстук от «Мецгер» и костюм, который стоил полторы сотни баксов; в петлице пиджака красовался цветок.

Из-за этого цветка в самом начале беседы произошел небольшой инцидент. Я уже давно перестал гадать, что является истинной причиной подобных выходок Вулфа: хочет он лишний раз продемонстрировать свою эксцентричность, или ему действительно интересно что-то узнать, или таким способом он рассчитывает выиграть время, чтобы оценить собеседников, или еще что-то. Так или иначе, но не успели все рассестись по местам, как Вулф нацелил взгляд на Прескотта и вежливо спросил:

– Это centaureя?

– Прошу прощения? – Прескотт не сразу сообразил, о чем речь. – А-а, вы имеете в виду цветок у меня в петлице. Не знаю. Я просто выбираю в цветочном магазине что-нибудь подходящее.

– Вы носите цветок в петлице, не зная, как он называется?

– Конечно. А что в этом странного?

Вулф пожал плечами:

– Я никогда раньше не видел centaureю такого оттенка.

– Это не центаурея, – нетерпеливо вмешалась миссис Данн. – У центауреи цианус лепестки гораздо плотнее...

– Я не сказал «центаурея цианус», мадам. – В голосе Вулфа слышалось раздражение. – Я имел в виду центаурею лейкофилла.

– Никогда не слышала о такой. В любом случае это никакая не центаурея лейко-что-то-там. Это диантус супербус.

Эйприл рассмеялась. Мэй улыбнулась ей, как Эйнштейн улыбнулся бы котенку. Джун метнула взгляд в сторону младшей сестры, и Эйприл прекратила смеяться и произнесла своим знаменитым переливчатым голосом:

– Ты победила, Джун. Это диантус супербус. Я не имею ничего против того, что ты всегда права, честное слово, но, если что-то кажется мне забавным, я не могу не смеяться – таков мой характер. И могу ли я поинтересоваться: меня притащили сюда для того, чтобы выслушать лекцию по ботанике?

– Тебя никто не тащил, – возразила старшая сестра. – Во всяком случае, не я.

Мэй подняла руку, останавливая сестер:

– Вы должны извинить нас, мистер Вулф. Наши нервы на пределе. На самом деле мы хотели бы получить у вас консультацию по крайне важному делу. – Она посмотрела на меня и улыбнулась так мило, что я улыбнулся ей в ответ. Затем она опять обратилась к Вулфу: – И крайне конфиденциальному.

– Все в порядке, – заверил ее Вулф. – Мистер Гудвин – мое второе «я». Без него я ничего не смог бы делать. А экскурс в ботанику – исключительно моя вина, я первым заговорил на эту тему. Расскажите об этом крайне важном деле.

Прескотт произнес с сомнением в голосе:

– Может быть, я объясню?

Прикурив от зажженной спички, Эйприл помахала ею, чтобы она погасла, и, щурясь от сигаретного дыма, мотнула головой в сторону Прескотта:

– Да ни за что! Ни один мужчина не сможет ничего объяснить в присутствии нас троих.

– Наверное, будет лучше, если Джун... – предложила Мэй.

Миссис Данн без дальнейших проволочек заявила:

– Речь идет о завещании нашего брата.

Вулф нахмурился. Он ненавидел распри из-за завещаний и однажды дошел до того, что заявил одному потенциальному клиенту, что не желает играть в перетягивание каната, где вместо каната – кишки мертвеца. Тем не менее он без излишней грубости спросил:

– Завещание вызывает какие-то сомнения?

– Да. – Голос Джун был резок. – Но сначала я бы хотела сказать следующее. Вы детектив. Нам не нужен детектив, но я настояла, чтобы мы обратились к вам. И не из-за вашей репутации, а скорее благодаря тому, что вы однажды сделали для моей подруги, миссис Ллевелин Фрост. Тогда она еще была Гленной Макнейр. Также я слышала, как высоко отзывается о вас мой муж. Насколько я понимаю, вы сделали что-то невозможное для Госдепартамента.

– Благодарю вас. Но, – напомнил Вулф, – вы говорите, что вам не нужен детектив.

– Не нужен. Но мы очень нуждаемся в услугах способного, пронцательного, сдержанного и не слишком щепетильного человека.

– У нас это называется дипломатия, – сказала Эйприл, стряхивая пепел с сигареты.

Ее замечание было всеми проигнорировано.

– В услугах какого рода? – поинтересовался Вулф.

Я решил, что лицу Джун требуется кое-какая корректировка. У нее были глаза ястреба, однако нос, которому следовало в таком случае напоминать клюв, был всего лишь прямым красивым носом. Я предпочитал смотреть на Эйприл. Но говорила Джун:

– Боюсь, это услуги совершенно необычного свойства. Мой муж говорит, что нам поможет только чудо, но он всегда был осторожным и консервативным человеком. Как вам известно, три дня назад, во

вторник, скончался наш брат. Похороны состоялись вчера после полудня. Мистер Прескотт – адвокат моего брата – собрал нас вечером, чтобы ознакомить с завещанием. Содержание этого документа шокировало и изумило нас – всех нас без исключения.

Вулф издал звук, которым, как я знал, он выражает свое отвращение, однако люди, малознакомые с ним, могли принять это хмыканье за выражение сочувствия. Тем не менее Вулф сухо произнес:

– Такого рода шока можно было бы избежать, если бы налог на наследство составлял сто процентов.

– Возможно. Вы говорите как большевик. Но дело не в размере ожидаемого наследства, все гораздо хуже...

– Позвольте, – негромко перебила сестру Мэй, – в моем случае дело как раз в размере. Брат говорил, что оставит научному фонду нашего колледжа миллион долларов.

– Я всего лишь хотела сказать, что мы не гиены! – нетерпеливо воскликнула Джун. – Ни одна из нас не рассчитывала на скорое наследство от Ноэля. Конечно, мы знали, что он богат, но ему было всего сорок девять лет, и на здоровье он не жаловался. – Она обернулась к Прескотту. – Думаю, Гленн, вы сможете точнее перечислить мистеру Вулфу основные пункты завещания.

Юрист прочистил горло:

– Должен еще раз напомнить вам, Джун, что как только о завещании станет известно...

– Мистер Вулф сохранит все в тайне, не так ли?

– Разумеется, – кивнул Вулф.

– Что ж... – Прескотт опять прочистил горло и посмотрел на Вулфа. – Мистер Хоторн оставил небольшие суммы слугам и сотрудникам своей фирмы, всего сто шестьдесят четыре тысячи долларов. По сто тысяч долларов каждому из двоих детей его сестры, миссис Джон Чарльз Данн, и аналогичную сумму научному фонду колледжа Варни. Пятьсот тысяч своей жене; детей у него не было. Также он завещал яблоко своей сестре Джун, грушу – сестре

Мэй и персик – сестре Эйприл. – Юрист явно испытывал неловкость. – Заверяю вас, что мистер Хоторн, который был не только моим клиентом, но и другом, никогда не слыл чудаком. В завещании имеется приписка о том, что его сестры ни в чем не нуждаются и что он дарит им эти фрукты в знак уважения к ним.

– Вот как! К этому сводится все наследство усопшего? Примерно миллион долларов?

– Нет. – Прескотт не знал, куда глаза девать. – После выплаты налогов остается еще около семи миллионов. Возможно, чуть меньше. Все это оставлено женщине по имени Наоми Карн.

– *La femme*^[1], – заметила Эйприл.

Это не было ни насмешкой, ни издевкой, а просто констатацией факта.

Вулф вздохнул, а Прескотт продолжил:

– Завещание было составлено мной в соответствии с указаниями мистера Хоторна взамен того, что было написано тремя годами ранее, и датировано оно седьмым марта тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Хранилось оно в сейфе в моей фирме. Я останавливаюсь на этих деталях, потому что прошлым вечером миссис Данн и мисс Мэй Хоторн высказывались в том смысле, что мне следовало уведомить их об условиях завещания, как только оно было подписано. Как вам известно, мистер Вулф, это было бы...

– Ерунда! – оборвала его Мэй. – Вы прекрасно понимаете, что мы были расстроены. Мы рты пооткрывали от изумления.

– И до сих пор не можем прийти в себя. – Джун впилась глазами в лицо Вулфа. – Прошу вас, поймите: мои сестры и я сама полностью удовлетворены теми фруктами, которые оставил нам брат. Дело не в них. Но вы только подумайте, какая будет сенсация, какой скандал! Просто невероятно! Мы до сих пор поверить не можем. Мой брат завещал почти все свое состояние этой... этой...

– Женщине, – подсказала Эйприл.

– Ладно, женщине.

– Это было его состояние, – заметил Вулф. – И он им так распорядился.

– В каком смысле? – спросила Мэй.

– В том смысле, что если вам не нравятся скандалы, то чем меньше вы будете говорить и суетиться по этому поводу, тем скорее обо всем этом забудут.

– Премного вам благодарны, – едко сказала Джун, – но нам нужно что-нибудь более существенное. Одна только публикация завещания в прессе чего будет стоить, учитывая миллионные суммы, положение моего мужа и моих сестер... Бог мой! Разве вы не понимаете, что мы – знаменитые сестры Хоторн, нравится нам это или нет!

– Конечно нравится, – подтвердила Эйприл. – Мы в восторге от этого!

– Говори за себя, Эйп. – Джун не сводила глаз с Вулфа. – Вы сами представляете, как все это подадут газеты. Тем не менее я считаю ваш совет правильным. Я согласна, что лучше всего будет ничего не делать и ничего не говорить, пусть все идет своим чередом, нас это не должно касаться. Но ничто не пойдет своим чередом! Потому что случится кое-что ужасное... Дейзи собирается опротестовать завещание!

Вулф нахмурился еще больше:

– Дейзи?

– Ох, простите. Как уже заметила моя сестра, наши нервы просто измочалены. Смерть брата стала для нас потрясением. Потом все эти церемонии, вчерашние похороны... А теперь еще и это. Дейзи – жена нашего брата. Вернее, его вдова. Она имеет репутацию трагической фигуры.

– Дама с вуалью, – кивнул Вулф.

– Значит, вы знакомы с этой легендой.

– Это не легенда, – объявила Мэй, – а нечто гораздо большее. Это факт.

– Я слышал то же, что и все, – сказал Вулф. – Лет шесть назад, если не ошибаюсь, Ноэль Хоторн занимался стрельбой из лука, и

однажды случайно выпущенная им стрела рассекла лицо его жены от лба до подбородка. Она была красавицей. С тех пор без вуали ее не видели.

Эйприл зябко поежилась:

– Это было ужасно! Я навещала ее в больнице, и до сих пор мне снятся кошмары. Прекраснее женщины я не встречала, за исключением одной девушки, которая торговала сигаретами в варшавском кафе.

– Дейзи не знает, что такое эмоции, – подхватила Мэй. – Как и я, только у нее нет альтернативы. Ей вообще не следовало выходить замуж, ни за нашего брата, ни за кого-то еще.

– Вы обе ошибаетесь, – покачала головой Джун. – Дейзи слишком холодна, чтобы считаться по-настоящему красивой. И семена эмоций в ней имелись, им нужно было только прорасти. И теперь, Бог свидетель, они дают плоды. Вчера мы все слышали в ее голосе мстительность, а это эмоция, верно? – Взгляд Джун снова остановился на лице Вулфа. – Дейзи непреклонна. Она постарается, чтобы всех нас смешали с грязью. Полумиллиона долларов ей хватило бы с лихвой, но она рвется в бой. Вы понимаете, во что это превратится? Это будет катастрофа. Поэтому ваш совет – не обращать внимания на скандал и дать ему перегореть – нам не подходит. Дейзи ненавидит Хоторнов. Только подумайте: моего мужа вызовут в суд как свидетеля. И нас всех тоже.

Снова заговорила Мэй, и в ее глазах и голосе теперь уже не было ничего милого.

– Мы не допустим этого.

– Мы хотим... – сказала Эйприл, добавив огня в свой переливчатый голос, – мы хотим, чтобы вы не допустили этого, мистер Вулф.

– Мой муж очень высоко ценит вас, – повторила Джун, словно это определяло все, включая погоду.

– Благодарю вас. – Взгляд Вулфа обежал их всех по очереди, в том числе обоих мужчин. – Что я могу при таких обстоятельствах

сделать – стереть миссис Хоторн с лица земли?

– Нет! – категорично отрезала Джун. – С ней вам ничего не сделать. А вот с той женщиной, Наоми Карн, – да. Уговорите ее отказаться от большей части наследства, по крайней мере от половины. Если это вам удастся, остальное мы сделаем сами. По неизвестным нам причинам Дейзи жаждет денег, хотя бог знает на что они ей могут понадобиться. Задача может показаться вам трудной, но вряд ли совсем невыполнимой. Можете сказать мисс Карн, что если она не отдаст хотя бы половину завещанной суммы, то вынудит нас подать на нее в суд, и тогда она может потерять гораздо больше чем половину.

– Любой может сказать ей это, мадам. – Вулф обернулся к адвокату. – А что с точки зрения закона? Есть ли у миссис Хоторн шанс возбудить дело?

– Ну... – Прескотт поджал губы. – Дело она сможет возбудить. Начнем с того, что обычное право...

– Нет, пожалуйста, не надо подробностей. Ответьте одним словом: сможет ли миссис Хоторн добиться признания завещания незаконным?

– Не знаю. Думаю, что сможет. Учитывая то, какие формулировки использованы в документе, закон будет оценивать обстоятельства, а не только текст. – Прескотт опять замялся. – Вы ведь понимаете, сколь щекотливо мое положение. Есть риск, что мое поведение будет расценено как неэтичное с профессиональной точки зрения. Я сам составлял завещание для мистера Хоторна, причем он настаивал на том, чтобы текст был по возможности безупречен и его нельзя было оспорить в суде. Трудно ожидать от меня рекомендаций по поводу того, каким образом можно поставить произведенный мной документ под сомнение. Скорее, мой долг – защищать его. С другой стороны, не как адвокат, а как друг всех членов семьи Хоторн – и, могу сказать, друг также и мистера Данна, занимающего высокий государственный пост, – я понимаю, что открытое судебное разбирательство по поводу завещания нанесет неизмеримый ущерб

семье. Крайне желательно избежать этого и ввиду позиции миссис Хоторн, которую она, к сожалению, заняла... – Прескотт умолк, снова поджал губы, а потом продолжил: – Скажу вам откровенно и конфиденциально, хотя и нарушу тем самым профессиональную этику, что это завещание, на мой взгляд, возмутительно. Я так и заявил Ноэлю Хоторну, когда мы работали над документом, но он настаивал, и мне оставалось только следовать его указаниям. Даже не касаясь того, насколько несправедливо завещание по отношению к миссис Хоторн, напомню, что мистер Хоторн обещал своей сестре оставить один миллион долларов научному фонду колледжа Варни, а фактически выделил лишь десять процентов от этой суммы. Это хуже, чем несправедливость, – это непорядочность, о чем я также говорил мистеру Хоторну. Безрезультатно. Я придерживался и до сих пор придерживаюсь мнения, что он утратил присущее ему здравомыслие под влиянием мисс Карн.

– А я все равно в это не верю! – Это опять заговорила Мэй, так и не вернувшаяся в образ милой женщины. – Уверена, если бы Ноэль решил не делать того, что обещал, то обязательно сказал бы мне об этом.

– Моя дорогая мисс Хоторн, – Прескотт обернулся к ней с видом крайнего раздражения, – вчера я был готов не обращать внимания на ваши замечания, поскольку понимал, что вы испытываете огромное и неожиданное разочарование. – Его голос прерывался от возмущения. – Но вы и сегодня, в присутствии посторонних, осмеливаетесь намекать на то, что условия завещания Ноэля не соответствуют его точным инструкциям... Бог мой, он же умел читать! Он не стал бы подписывать...

– Ерунда! – резко оборвала его Мэй. – Просто у меня не укладывается в голове то, что случилось. И я скорее подвергну сомнению законы термодинамики, чем вашу честность. Может быть, эта женщина вас обоих загипнотизировала. – Она вдруг ослепительно улыбнулась Прескотту и горестно выругалась: – Черт побери! Все это невыносимо мучительно. Я бы предпочла оставить

все как есть, не говоря ни слова, если бы не отвратительное упрямство Дейзи, которое вынуждает нас действовать. Я настаиваю на том, что договоренность с мисс Карн должна включать пункт об увеличении суммы, выделяемой из наследства научному фонду, до миллиона долларов, так как именно о такой сумме брат говорил мне, когда мы обсуждали это.

– Н-да... – пробормотал Вулф.

Прескотт, по-прежнему с плотно сжатыми губами, кивнул ему, словно говоря: «Вот именно – н-да».

Джун прикрикнула на сестру:

– Мэй, ты только все усложняешь! Так мы вообще ничего не добьемся. И ведь ты блефуешь, я тебя знаю. Ты не захочешь затевать свару. Если мистер Вулф сумеет уговорить эту женщину, хорошо. Я буду только рада, если твой фонд получит миллион. Но главное – Дейзи, и ты сама это понимаешь. Мы все согласились...

Она умолкла, потому что дверь в кабинет приоткрылась. Вошел Фриц и, приблизившись к Вулфу, протянул ему поднос с визитной карточкой. Вулф взял визитку, глянул на нее и аккуратно подсунул под пресс-папье. Затем обратил взгляд на миссис Данн и сказал:

– Тут написано: «Миссис Ноэль Хоторн».

Все посмотрели на него.

– О господи! – вырвалось у Эйприл.

Мэй сказала тихо, будто самой себе:

– Надо было связать ее.

Джун поднялась со своего места и требовательно спросила:

– Где она? Я поговорю с ней.

– Прошу вас. – Вулф опустил широкую ладонь на стол. – Она пришла с визитом ко мне. Я сам с ней поговорю...

– Но это же смешно! – Джун продолжала стоять. – Она дала нам время до понедельника и обещала до тех пор ничего не предпринимать. Я оставила с ней сына и дочь, чтобы наверняка...

– Вы оставили ее с ними где?

– В доме моего брата. В ее доме. Мы все провели там ночь... Нет, дом-то теперь тоже не ее, и это одна из причин, почему она так ведет себя. Дом вместе с остальным имуществом отойдет той женщине, а не ей... Но она обещала ничего не делать...

– Пожалуйста, сядьте, миссис Данн. Мне все равно нужно с ней встретиться перед тем, как взяться за ваше поручение. Пригласи миссис Хоторн, Фриц.

– С ней две леди и джентльмен, сэр.

– Пригласи всех.

Глава 2

В кабинет вошли четыре человека, если не считать Фрица, исполняющего роль дворецкого. Ему пришлось принести из гостиной еще несколько стульев.

Я люблю изучать лица. Порой, признаюсь, мне достаточно беглого взгляда, но обычно в них находятся черты того или иного рода, заслуживающие более пристального внимания. Эндрю Данн был симпатичным здоровяком и очень походил на своего отца, фотографии которого я видел. Его сестра Сара унаследовала от матери темные глаза грозной птицы и лоб Хоторнов, но рот и подбородок у нее были совсем другими. Вторая девушка, прелестная, как нераскрывшийся бутон, блондинка, убедила бы и самое строгое жюри, что еще не все прекрасные образцы человеческой породы в нашей великой стране монополизированы Голливудом. Позднее выяснилось, что ее зовут Селия Флит и что она секретарь Эйприл Хоторн.

Хотя мне нравится изучать лица и эти три лица были достойны внимания, мой взор притягивало то лицо, которое я не мог видеть. Предание гласило, что стрела Ноэля Хоторна, выпущенная по неосторожности, рассекла лицо его красавицы-жены по диагонали от брови до подбородка, и то, во что превратилось это лицо – один глаз, по слухам, не был поврежден, – скрывалось теперь под вуалью, на которую я и уставился. Просто не мог ничего с собой поделать. Серая вуаль была пристегнута к шляпке и опускалась до самой шеи, удерживаемая там лентой. Ни кусочка кожи на виду, за исключением ушей. Дейзи Хоторн была среднего роста, с изящной, почти девичьей фигурой, но, зная, что скрывает вуаль, и из-за самой этой вуали вы не испытывали приятного чувства, какое возникает при взгляде на красивую женщину. Я глазел на нее, борясь с искушением дать кому-нибудь десять долларов за то, чтобы с ее лица сдернули

вуаль, понимая в то же время, что, как только увижу это лицо, сразу захочу дать десять долларов за то, чтобы вуаль вернули на место.

Дейзи Хоторн не села на стул, который я ей придвинул. Она стояла прямая как палка. У меня было ощущение, будто она ничего не видит, но, очевидно, это было не так. После обмена приветствиями, опять устроившись на своем месте, я заметил, что у Эйприл, достающей новую сигарету, подрагивают пальцы. Мэй снова выглядела милой, но в ней чувствовалось напряжение, как и в голосе заговорившей Джун.

– Моя дорогая Дейзи, тебе не стоило приезжать сюда! Мы были абсолютно откровенны с тобой! Мы сказали, что хотим проконсультироваться с мистером Ниро Вулфом. Ты дала нам время до понедельника. Какие у тебя могут быть основания для подозрений... Сара, чертенок, что ты вообще делаешь? Немедленно убери это!

– Секундочку, мам. – Девушка говорила без всякого почтения. – Не двигайтесь, пожалуйста!

Нас ослепила яркая вспышка. Отовсюду слышались восклицания, и самое громкое и наименее сдержанное исходило от Прескотта. Я же, вскочив со стула, почувствовал себя идиотом.

Сара спокойно сказала:

– Я хотела иметь портрет Ниро Вулфа за его рабочим столом. Прошу меня простить. Дай-ка мне ту штуковину, Энди.

– Сама возьми, не развалишься. Вот дурочка, напугала всех!

– Сара! Сядь!

– Хорошо, мам. Я все.

Мы перестали моргать. Я вернулся на свой стул. Вулф сухо осведомился:

– Ваша дочь – профессиональный фотограф, миссис Данн?

– Нет, она профессиональный демон. Все из-за проклятой саги о несравненных сестрах Хоторн. Она хочет быть не хуже. Воображает, что может...

– Это не так! Я просто хотела сфотографировать...

– Прошу вас! – Вулф сердито нахмурился, Сара усмехнулась в ответ, и Вулф перевел взгляд на серую вуаль. – Вы не хотите присесть, миссис Хоторн?

– Нет, благодарю вас.

От ее голоса у меня мурашки побежали по коже, и мне захотелось самому сорвать вуаль. Голос был неестественно высоким и напряженным, отчего складывалось впечатление, будто он исходит не изо рта. Дейзи повернулась вуалью к Джун:

– Так ты считаешь, что мне не нужно было приезжать? Забавно. Разве не затем вы оставили Эндрю, Сару и секретаршу Эйприл сторожить меня, чтобы я не помешала вам?

– Нет, не затем, – ответила Джун. – Ради бога, Дейзи, будь же благоразумной! Мы всего лишь хотели...

– У меня нет никакого желания быть благоразумной. Я не идиотка, Джун. Ноэль искалечил мне лицо, а не мозг. – Она неожиданно развернулась к младшей из сестер. – Кстати, о лицах, Эйприл: твоя секретарша куда симпатичнее, чем ты. Конечно, она в два раза моложе тебя. Очень смело с твоей стороны.

Эйприл молчала, не поднимая глаз.

– Ты никогда не могла смотреть на меня. – Из-под вуали раздался жуткий смешок, и затем Дейзи опять повернулась к Джун. – Я пришла сюда не для того, чтобы помешать вам или кому-то еще. Я пришла, потому что подозреваю вас, причем с полным на то основанием. Вы ведь Хоторны, знаменитые Хоторны. Ваш брат тоже был Хоторном. Сколько же раз он заверял меня, что я буду щедро обеспечена. Это его слово – «щедро». Я знала о том, что у него женщина, он сам мне сказал – тоже был откровенным, как вы. Каждый месяц он давал мне деньги – много денег, больше, чем мне было нужно, больше, чем я могла потратить, – чтобы обмануть меня, развеять мои подозрения. А теперь даже мой дом – уже не мой!

– Господи, разве я не понимаю?! – Джун всплеснула руками. – Моя дорогая Дейзи, разве я не понимаю? Почему же ты не веришь, что наше единственное желание, наша единственная цель...

– Нет, не верю. Я не верю ни одному слову Хоторнов. – Вуаль колыхалась от ее дыхания, когда она произносила эти горькие слова, но шелковая лента держала прочно. – Как не верю и вам, Гленн Прескотт. Я не доверяю вам, никому из вас. Я не поверила и тому, что вы пойдете к Ниро Вулфу, но вижу, что вы все-таки это сделали. – Она повернулась так, что оказалась прямо напротив Вулфа. – Я знаю о вас. У меня есть знакомый, для которого вы кое-что сделали. Сегодня я позвонила этому человеку, чтобы расспросить о вас. Он сказал, что как союзнику вам можно полностью довериться, но как противник вы безжалостны и опасны. Он сказал, что если я спрошу вас, на моей вы стороне или против меня, то вы не солжете. Вот я и приехала задать этот вопрос.

– Присядьте, миссис Хоторн.

– Нет. У меня к вам только один этот вопрос.

– Тогда я отвечу на него. – Вулф говорил резко. – Я ни на чьей стороне. Пока. Я испытываю глубочайшее отвращение к ссорам из-за имущества покойников. Однако в настоящий момент мне очень нужны деньги. То есть мне нужна работа. Если я возьмусь за это дело, то мне придется убедить мисс Наоми Карн отказаться в вашу пользу от крупной доли – настолько крупной, насколько это будет возможно, – оставленного ей Ноэлем Хоторном наследства. Вот что эти люди просят меня сделать. Вы хотите, чтобы это осуществилось?

– Да. Но как восстановление моих прав, а не как подачка от нее. Я бы предпочла заставить...

– Вы предпочли бы воевать за это. Однако есть шанс, что вы проиграете. Кроме того, если методами убеждения мы не получим приемлемого результата, у вас еще будет возможность повоевать. Вы пришли ко мне, потому что не доверяете этим людям, ведь так?

– Да, так. Мой муж был их братом. Гленн Прескотт был его другом и адвокатом. И они пытались обмануть меня и лишиться денег.

– И вы подозреваете, что эти люди обратились ко мне с целью продолжить интриги против вас с моей помощью?

– Именно так.

– Что ж, давайте покончим с этим вопросом. Я бы хотел, чтобы вы все-таки сели. – Вулф повернулся ко мне. – Арчи, запиши и потом отпечатай. С одной копией. «Настоящим удостоверяю, что во всех переговорах, проводимых мной в отношении завещания покойного Ноэля Хоторна, я буду считать миссис Ноэль Хоторн одним из моих клиентов и добросовестно защищать ее интересы, а также уведомлю ее заранее о любых изменениях в моих обязательствах; точка с запятой; при этом подразумевается, что свою долю гонорара за оказанные мной услуги миссис Хоторн оплатит сама». Оставь место для подписи свидетеля.

Развернувшись на стуле к пишущей машинке, я отпечатал записанный под диктовку текст и вручил оригинал Вулфу. Он прочитал, подписал и вернул мне, после чего и я поставил свою подпись как свидетель. Затем сложил листок, засунул его в конверт и протянул конверт Дейзи Хоторн, она взяла его. Ее рука была мертвенно-бледной, с длинными тонкими пальцами и синеватыми прожилками вен на тыльной стороне кисти.

Вулф вежливо осведомился:

– Такая формулировка устроит вас, мадам?

Не говоря ни слова, она вынула из конверта листок, развернула его и прочитала, для чего ей пришлось склонить голову набок, – очевидно, она пользовалась только левым глазом. Затем она убрала документ в сумку и, развернувшись, направилась к выходу. Я поднялся, чтобы открыть ей дверь, но молодой Данн опередил меня, и оказалось, что оба мы торопились напрасно. Дейзи Хоторн внезапно изменила курс и остановилась перед Эйприл так близко, что могла бы коснуться ее. Однако, подняв левую руку, вдова не протянула ее к Эйприл, а ухватилась за нижний край вуали.

– Смотри, Эйприл! – потребовала она. – Другим я не покажу, только тебе в качестве одолжения, в память о Лео...

– Нет! – завопила Эйприл. – Остановите ее!

Начался переполох. Все повскакали с мест. Первой рядом с Эйприл оказалась Селия Флит, оправдывая свою фамилию^[2]. Она

установилась на эту вуаль, и глаза ее сверкали, как ни у одной из знакомых мне блондинок.

– Только попробуйте повторить, – прошипела она, – и я сорву с вас эту тряпку! Клянусь! Только попробуйте!

К ее угрозам присоединился мужской голос:

– Убирайтесь отсюда! Вон!

Это был мистер Штауффер, тот парень, который слишком сильно старался чему-то соответствовать. Сейчас, когда он оттеснил Селию Флит и загородил собой Эйприл, его лицо исказилось от негодования. Актриса съежилась в кресле и закрыла лицо руками. Из-под вуали раздался тот же жуткий смешок, что и раньше, и вдова Ноэля Хоторна снова направилась к двери. И вновь до нее не дошла, остановившись напротив миссис Данн.

– Больше не подсылай мне своих сопляков, Джун. Я сдержу слово. Даю вам время до понедельника.

И она вышла. В холле маячил Фриц, которого встревожил вопль, донесшийся из кабинета, и я с облегчением предоставил ему право проводить Дейзи Хоторн к выходу. Проклятая вуаль действовала мне на нервы. Когда я присоединился к собранию в кабинете, то застал такую сцену: Эйприл трясло, мистер Штауффер похлопывал ее по одному вздрагивающему плечу, а Селия Флит – по другому; Мэй и Джун молча взирали на это; Прескотт утирал лицо носовым платком. Я предложил принести бренди или чего другого в том же роде.

– Спасибо, не надо. – Мэй одарила меня улыбкой. – Моя сестра вечно на грани срыва в той или иной степени. В противном случае она не могла бы стать хорошей актрисой, как я понимаю. Актрисам положено быть нервными. Раньше это приписывалось гениальности, но теперь считают, что дело в каких-то железах.

Эйприл отняла ладони от лица, бледного после пережитого потрясения, и выпалила:

– Прекрати!

– Да, – вступилась Джун. – Не стоило, Мэй. – Она взглянула на Вулфа. – Теперь вы понимаете, почему я назвала нашу невестку

непреклонной?

– Понимаю, – кивнул Вулф. – Как ни велика моя нужда в деньгах, я не взялся бы за то, чтобы убедить ее переменить мнение о чем-либо. Кстати, о деньгах: у меня завышенные представления относительно стоимости моих услуг.

– Нам об этом известно. Ваш счет, если только он не будет совсем уж заоблачным, будет оплачен.

– Хорошо. Арчи, возьми блокнот. Итак. Вам нужно письменное соглашение с Наоми Карн. Половина оставленного наследства, а по возможности и больше, переходит к Дейзи Хоторн. В дополнение к завещанному ей полумиллиону?

– Не знаю... как получится.

– И еще девятьсот тысяч долларов научному фонду колледжа Варни?

– Да, – с нажимом произнесла Мэй.

– При условии, что с этим у вас не возникнет проблем, – вставила Джун. – Только не подумайте, будто сестра откажется от договоренности с Наоми, если там не будет пункта о фонде. Она блефует.

Мэй тихо проговорила:

– Ты, Джун, и раньше уже ошибалась насчет меня.

– Может, раньше и ошибалась, но не в данном случае. Давайте подумаем, как преодолеть этот барьер, когда доберемся до него, согласны, мистер Вулф?

– Очень хорошо. Если у нас получится договориться о перечислении денег фонду, это будет сделано. А что с вами и вашими сестрами? Чего вы хотите для себя?

– Ничего. Мы получили свои фрукты.

– Вот как. – Вулф взглянул на Мэй. – Вы придерживаетесь того же мнения, мисс Хоторн?

– Разумеется. Для себя мне ничего не нужно.

Вулф посмотрел на младшую сестру:

– А вы?

– Что? – рассеянно переспросила Эйприл.

– Я спрашиваю, претендуете ли вы на какую-то долю состояния вашего брата?

– Боже упаси! Нет.

– Конечно, нам бы не помешали деньги, – сказала Джун. – Эйприл живет не по средствам и поэтому по уши в долгах. Мэй сама стирает свои чулки. У нее за душой вообще ничего нет, потому что половину зарплаты она отдает студенткам колледжа, которые без ее помощи не смогли бы оплачивать обучение. Что касается меня, то мне едва хватает средств на покупку продуктов. Частная практика мужа приносила неплохой доход, но зарплата госсекретаря весьма скудная.

– Тогда мы могли бы убедить мисс Карн...

– Нет! Даже не пытайтесь! Если бы брат оставил нам что-то, мы были бы рады. Я бы даже сказала, мы все несколько удивлены, что он этого не сделал. Но нет, торговаться мы не будем. Деньги лично от него – да, но не от этой женщины.

– Если я все же сумею договориться о какой-то сумме для вас, вы примете эти деньги?

– Не надо. Не искушайте нас. Вы сами знаете, каково это, вам ведь тоже необходимо зарабатывать на жизнь.

– Посмотрим. А что насчет ваших детей?

– Они получают по сто тысяч долларов каждый.

– Это приемлемо для вас?

– Конечно. Господи, да они богаты!

– Хотите ли вы получить от мисс Карн что-либо еще?

– Нет.

Вулф обратился к адвокату:

– Что скажете вы, мистер Прескотт? Есть ли у вас какие-то комментарии?

– Никаких, – затряс головой Прескотт. – Я буду рад остаться в стороне. Ведь именно я составлял это завещание.

– Да, составили его вы. – Вулф нахмурился, потом перевел взгляд на Джун. – Значит, решено. Мы сделаем все, что будет в наших силах. А теперь поговорим о мисс Карн.

– О мисс Карн?

– Кто она, какая она, где она?

– Мне мало что известно о ней. – Джун обратилась к адвокату: – Лучше вы расскажите, Гленн.

– Что ж... – Прескотт потер нос. – Это молодая женщина, ей лет двадцать восемь или двадцать девять. Я бы сказал...

– Погодите минуточку! – перебила его Сара Данн, профессиональный демон, и скользнула к столу Вулфа, держа что-то в руке. – Вот, мистер Вулф, взгляните. Я принесла этот снимок, подумала, что он вам может пригодиться. Женщина, которая смеется, – это она, а мужчина рядом с ней – мой дядя Ноэль. Можете пока оставить у себя, но потом, пожалуйста, верните.

– Во имя всего святого, откуда у тебя это?! – воскликнула миссис Данн.

– О, сфотографировала весной, когда случайно увидела дядю Ноэля на улице. Я сразу догадалась, кто его спутница. Они не видели, как я их фотографирую. Получилось неплохо, поэтому я увеличила снимок.

– Ты... ты знала... – пролепетала Джун. – Как ты узнала об этой женщине?

– Мама, не будь наивной! – сочувственно произнесла Сара. – Я же не глухая, и мне уже есть двадцать один год. Ты была не старше меня, когда написала «Приключения одной пташки».

– Премного вам благодарен, мисс Данн. – Вулф положил фотографию под пресс-папье рядом с карточкой Дейзи Хоторн. – Я непременно верну снимок. – Он снова посмотрел на адвоката. – Вернемся к мисс Карн. Вы были с ней знакомы?

– Не очень близко, – сказал Прескотт. – То есть я был с ней знаком – в некотором роде – примерно шесть лет. Она работала стенографисткой в нашей конторе. В моей фирме.

– Вот как. Она была вашей личной стенографисткой?

– О нет. У нас их человек тридцать или около того – фирма довольно крупная. Мисс Карн была одной из них года два, а потом стала секретарем нашего младшего партнера мистера Дэвиса. Вот там, в офисе мистера Дэвиса, ее и увидел впервые мистер Хоторн. Вскоре после этого... – Прескотт умолк в смущении. – Наверное, эти детали сейчас несущественны. Я всего лишь желал пояснить, каким образом узнал мисс Карн. Она покинула нашу фирму около трех лет назад... гм... наверное, последовав совету мистера Хоторна...

– Наверное?

– Ну... – Прескотт пожал плечами. – Не наверное, а точно. Поскольку сам он не стремился держать свои отношения с ней в тайне, мне нет необходимости проявлять излишнюю осторожность.

– Хоторны, – с милой улыбкой заметила Мэй, – слишком эгоистичны, чтобы скрытничать. Они ставят себя выше сплетен.

– Трудно назвать скрытным человека, который разгуливает с любовницей по Пятой авеню, – согласился Вулф, взглянув на снимок под пресс-папье.

– Наверное, мне стоит предупредить вас о том, что поставленная перед вами задача весьма непроста, – сказал Прескотт.

– Я так и думал. Мне надо уговорить человека отказаться от четырех миллионов долларов.

– Безусловно, но я имел в виду нечто другое. – Прескотт с сомнением покачал головой. – Видит бог, я желаю вам успеха, но, судя по тому, что я слышал о мисс Карн... это будет исключительно сложное дело. Спросите Штауффера, он скажет вам, что думает по этому поводу. Мы поэтому и попросили его присоединиться к нам.

– Штауффера?

Слева раздался голос:

– Я Осрик Штауффер.

Вулф посмотрел на симпатичное лицо человека, который стремился чему-то соответствовать.

– Ага. И вы... – Вулф не договорил, предоставив собеседнику самому догадаться о том, что от него требуется.

На лице Штауффера отразилось легкое недовольство.

– Осрик Штауффер из фирмы «Дэниел Каллен энд компани». Мистер Хоторн руководил иностранным отделом, а я находился в его непосредственном подчинении. Также мы были довольно близки.

Значит, то, чему он пытался соответствовать, – всего лишь стандарты фирмы «Дэниел Каллен энд компани». А я было подумал, что это страсть. Меня сбilo с толку то, что Штауффер постоянно держался поблизости от Эйприл Хоторн.

– Вы знакомы с мисс Карн? – поинтересовался Вулф.

– Да, я встречался с ней. – Штауффер изъяснялся лаконично и точно. – Поясню замечание мистера Прескотта. Сегодня утром я ходил к мисс Карн поговорить о завещании. Об этом меня попросили мистер Прескотт и миссис Данн. Также я действовал – неофициально – как представитель фирмы, поскольку считаю, что судебное разбирательство в связи с завещанием для нас будет в высшей степени нежелательным.

– Значит, вы виделись с мисс Карн этим утром?

– Да.

– Каков был результат вашего визита?

– Нулевой. Никакого прогресса я не достиг. По роду деятельности мне приходилось проводить трудные и щекотливые переговоры, и среди наших клиентов встречаются очень несговорчивые, но я никогда не сталкивался с более упрямым человеком, чем мисс Карн. Она придерживается той позиции, что было бы неприлично или даже непорядочно отказываться исполнить последнюю волю умершего человека в отношении того, как распорядиться его имуществом. И следовательно, она не вправе даже обсуждать это и делать этого не будет. Я сказал ей, что в таком случае завещание может быть опротестовано в суде и она рискует потерять все. На это она ответила, что придерживается высокого мнения о нашей

системе правосудия и с готовностью примет любое его решение при условии, что суд будет высшей инстанции.

– Вы предлагали ей конкретные условия?

– Нет, никаких цифр. До этого мы не дошли. Она была... – Штауффер на мгновение замялся, подбирая слова. – Мисс Карн не была расположена говорить о завещании, что было целью моего визита. Она предпочла воспользоваться нашим относительно поверхностным знакомством.

– Вы хотите сказать, что она попыталась заняться с вами любовью?

– Что вы, нет! – Штауффер покраснел, непроизвольно посмотрел на Эйприл Хоторн, и его щеки запылали еще ярче. – Нет, ничего подобного. Я хотел сказать, что она вела себя так, будто мой визит всего лишь дружеский. Она исключительно умна.

– Вам показалось, что угроза возможного судебного разбирательства ее не напугала?

– Уверен, что нет. Более спокойного человека я, пожалуй, не встречал.

Вулф хрюкнул и, нахмурившись, повернулся к Джун:

– Какой смысл просить меня сбить вашу дичь оружием, из которого уже стреляли?

– В этом-то все и дело, – заявила Джун. – Именно поэтому мы и обратились к вам. Если бы достаточно было простой угрозы, то и дело было бы простым. Но это работа сложная, мы понимаем. И потому готовы заплатить вам столько, сколько попросите, если у вас получится.

– И потому в самом начале нашего разговора вам сказали неправду, – продолжила Мэй. – Моя сестра заявила, что детектив нам не нужен, но это не так. Вам придется найти способ надавить на мисс Карн, причем этот способ должен быть более веским, чем угроза того, что завещание будет оспорено в суде.

– Понятно. – Вулф поморщился. – Терпеть не могу споров по поводу наследства покойников. Такие дела всегда очень

некрасивые.

– Пока нет, – возразила Джун. – Это дело станет таким, если Дейзи и та женщина доведут его до суда, однако в нашем поведении ничего некрасивого нет. Что плохого в стремлении избежать отвратительного скандала посредством убеждения той женщины в том, что три или четыре миллиона долларов из состояния нашего брата – это все, что ей положено? Если ее алчность и упрямство делают процесс убеждения трудным и дорогим...

– И даже если наше дело действительно некрасивое, – перебила ее Мэй, – все равно оно должно быть сделано. Ну что же, мистер Вулф, кажется, мы рассказали все, что вам нужно знать. Вы беретесь?

Вулф взглянул на настенные часы. Я ему сочувствовал. Дело ему не нравилось, но ему придется браться за него. Более того, он никогда не допускал, чтобы хоть что-то мешало ему проводить четыре часа в день в его оранжерее на крыше – с девяти до одиннадцати утром и с четырех до шести вечером, а между тем на циферблате было без пяти минут четыре. Он посмотрел на меня, скривился в ответ на мою ухмылку и опять глянул на часы.

Затем он поднялся из кресла со всей быстротой, на которую был способен.

– Я берусь, – объявил он ворчливым тоном. – А теперь, если позволите, у меня назначена встреча на четыре часа...

– Знаю! – воскликнула Сара Данн. – Вы идете к своим орхидеям. Мне бы очень хотелось увидеть их...

– В другой раз, мисс Данн. Сейчас я не в настроении. К кому мне обращаться с вопросами или результатами? К вам, миссис Данн? Или к мистеру Прескотту?

– К кому пожелаете. Или к обоим. – Джун тоже поднялась со своего места.

– Тогда к обоим. Запиши имена и адреса, Арчи.

Я так и сделал: домашние и рабочие координаты Прескотта, адрес резиденции Хоторнов на Шестьдесят седьмой улице, где они все обитали в настоящее время, и, что было не менее важно, адрес

квартиры Наоми Карн на Парк-авеню. Посетители двинулись в прихожую, и я оставил их на попечение Фрица, успев заметить, что Штауффер услужливо пристроился сбоку от Эйприл Хоторн. Мэй последней покинула кабинет, так как задержалась, чтобы обмолвиться о чем-то с Вулфом, о чем – я не расслышал. Наконец входная дверь захлопнулась, и Фриц по пути на кухню бросил взгляд в нашу сторону.

– Пф! – сказал Вулф.

– Да уж, – согласился я. – Но при всем том они не стервятники. Я решил жениться на Эйприл. А чуть погодя разведусь с ней и женюсь на ее секретарше-блондиночке...

– Избавь меня от этого. К черту все! Ладно, у тебя есть два часа...

– Конечно. – Я изобразил радость, которой не испытывал. – Давайте я сам скажу все за вас. Мне нужно привезти сюда мисс Карн к шести часам. Или на несколько минут раньше, чтобы вам не пришлось ждать.

– Скажем, без десяти шесть, – кивнул он.

Было слишком жарко, чтобы запустить в него чем-нибудь. Поэтому я только непочтительно фыркнул, после чего выбрался на улицу, добрал до переулка, где был припаркован «родстер», залез в него и отправился в путь.

Глава 3

По моим прикидкам, на своем веку – по работе или вне ее – я имел дело не менее чем с сотней куколок. И потому был практически уверен, что мой визит к Наоми Карн в пятом часу вечера просто добавит единицу к этому числу. Но я заблуждался. В дом на Парк-авеню неподалеку от Семьдесят четвертой улицы меня допустили после того, как я назвался посланником от мистера Прескотта. Горничная провела меня по просторному шикарному холлу квартиры на двенадцатом этаже и впустила в прохладную комнату, где царил полумрак и мебель пряталась под стильными летними чехлами. Как только я приблизился к женщине, стоящей возле пианино, и всмотрелся в ее лицо, то сразу понял, как сильно я заблуждался.

Она улыбнулась. Я бы не сказал, что она улыбнулась мне, нет: она просто улыбнулась.

– Мистер Гудвин? С поручением от мистера Прескотта?

– Именно так, мисс Карн.

– Пожалуй, не стоило впускать вас. Только я не люблю так поступать, считаю это снобизмом.

– Почему вам не стоило впускать меня?

– Потому что если вас послал мистер Прескотт, то, значит, вы пришли запугивать меня. Не так ли?

– Запугивать в связи с чем?

– Да перестаньте. – Она опять улыбнулась.

Я подождал секунду, понял, что Наоми Карн не собирается ничего объяснять, и сказал:

– На самом деле я приехал не от Прескотта, а от Ниро Вулфа. Сестры Ноэля Хоторна наняли его, чтобы обсудить с вами завещание их брата.

– От Ниро Вулфа? Это детектив?

– Он самый.

– Как интересно! Когда же он намерен посетить меня?

– Он никогда никого не посещает. Ему не нравятся передвижения. Вулф принял закон, что его выход из дому – это уголовное преступление против его ног, за исключением редких случаев, и никогда – в связи с работой. Он нанял меня для того, чтобы я мотался по городу и приглашал людей приехать к нему.

Ее брови взлетели кверху.

– То есть вы приехали, чтобы пригласить меня?

– Точно. Но никакой спешки, не волнуйтесь. Сейчас всего половина пятого, а Вулф ожидает вас не раньше чем без десяти шесть.

– Какая жалость! – качнула она головой. – Было бы интересно поговорить с Ниро Вулфом.

– Так поедем.

– Нет.

Это было сказано твердо. Более того, ничего тверже этого «нет» я никогда еще не слышал.

Я посмотрел на нее внимательно. В ней не было ни единого намека на куколку. Наоми Карн была для меня чем-то новым. Не простушка и не красавица. Волосы скорее темные, чем светлые, но и брюнеткой ее не назовешь. Ни одна из ее черт не дотягивала до разряда звездных, но почему-то по отдельности ее черты вы не замечали, а видели ее саму. Должен признаться, что, обменявшись с ней несколькими фразами, я приуныл.

За девять лет работы детективом я настолько очерствел, что считал откровенное разглядывание любого лица, которое только могла выдумать природа, не более чем частью своих обязанностей. Но то ли в глазах Наоми Карн, то ли где-то еще таилось нечто такое, что заставляло меня искать ее взгляд и одновременно уклоняться от него. Это не было старое доброе соблазнение, такое «добро пожаловать» на коврике у двери, которым пользуется мать-природа; на меня такие штучки не действуют уже давно. Да, в облике и манерах мисс Карн было что-то женственное, как и в соблазне: она

не пряталась от взгляда мужчины, а открывалась, но дело было не только в этом. Еще в ней чувствовался дерзкий ум, бросающий дерзкий вызов. Я знал, что не принял его, и знал, что она знает это, отчего мне стало совсем тошно.

– По правде говоря, – выдавил я, – к вопросу подошли некомпетентно. Как я понимаю, тот парень, Штауффер, заявился к вам утром и сказал, что если вы не поделитесь с ними, то вдова Хоторна пойдет в суд.

Наоми Карн улыбнулась:

– Да, Осси пытался сказать что-то в этом духе.

– Осси? Ему подходит это имя.

– Мне тоже так кажется. Рада, что вам нравится.

– Очень. Но Осси обманывал вас. Проблема гораздо серьезнее, чем судебное разбирательство, и последствия могут быть куда более болезненными.

– Неужели? Вы меня встревожили. Что же это?

– Не могу вам рассказать, – затряс я головой. – Но эта комната – самое прохладное место из всех, где я сегодня бывал. Вообще-то, я мог бы дать вам пару отличных советов, будь у меня такое желание. А что это за штуки такие на четырех ногах? Стулья?

С ее губ слетел легкий смешок.

– Прошу вас, садитесь, мистер...

– Гудвин. Арчи.

– Присаживайтесь.

Она тронулась с места. Если бы не мое задетое самолюбие, то я наблюдал бы за движениями мисс Карн с истинным наслаждением. Не столь грациозная и ослепительная, как Эйприл Хоторн, она тем не менее была столь же легка и куда более открыта, без каких-либо фокусов и капризов. Она нажала кнопку:

– Что бы вы хотели выпить?

– Не отказался бы от стакана молока, благодарю вас.

Я выбрал стул в двух шагах от того, на котором сидела мисс Карн. Вошла горничная, и ей были даны указания принести стакан молока

и бутылку минеральной воды. Мисс Карн отказалась от сигареты, предложенной мною. Когда я закурил, она заметила:

– Знаете, вы встревожили меня. Ужасно встревожили. – Однако, судя по голосу, она забавлялась. – Молоко прибавит вам желания дать мне совет?

– Я уже испытываю такое желание. – Я встретился с ней взглядом и не отвел глаз. – Мой совет вам таков: не встречайтесь с Ниро Вулфом. С моей стороны это предательство, разумеется, но я по природе своей вероломен, а кроме того, мне не нравится, как все они на вас ополчились. Я еще до встречи с вами так думал, но теперь... – Я взмахнул рукой.

– Теперь вероломство сладостно.

– Может быть.

– Как это мило с вашей стороны! Почему же вы советуете мне не видеться с Ниро Вулфом?

– Потому что я знаю, какую ловушку он готовит. На самом деле вам нужно найти себе адвоката, хорошего адвоката, и пусть Вулф разговаривает с ним, а не с вами.

Она наморщила нос:

– Не люблю адвокатов. Слишком хорошо их знаю – проработала в адвокатской конторе три года.

– Если завещание опротестуют в суде, вам придется нанять адвоката.

– Ну да, наверное. Но вы сказали, что мне угрожает нечто более существенное, чем суд, и что Ниро Вулф готовит мне ловушку. Какую?

Я ухмыльнулся и покачал головой. Вернулась горничная с подносами, и после того, как минеральная вода мисс Карн оказалась в стакане вместе с кубиками льда, я пригубил свое молоко. На мой вкус, оно было холодновато, и я обхватил стакан ладонями, снова ухмыльнулся и сказал:

– У вас тут необыкновенно уютно и прохладно. Я прекрасно здесь себя чувствую. А вы?

– А я нет! – ответила она с неожиданной резкостью в голосе. – Мне плохо. Умер мой хороший друг – всего три дня назад. Мистер Ноэль Хоторн. Другой человек, которого я тоже считала своим другом в некотором смысле – в любом случае не врагом, – повел себя гнусно. Мистер Гленн Прескотт. Он приходил сюда вчера вечером и сообщил мне об условиях завещания самым оскорбительным тоном. Теперь он открыто вступил в сговор с семьей мистера Хоторна против меня и даже подослал ко мне Штауффера с угрозами. Он подослал и вас, с вашим детским лепетом о ловушках и вероломстве. – Она фыркнула с презрением. – Молоко вам понравилось?

– Спасибо, да. Простите, но дела у вас действительно обстоят из рук вон плохо. Не хотите ли обсудить это более подробно?

– У меня нет никакого желания обсуждать это с вами. Единственная разумная вещь, которую вы сказали за все время, – это то, что дело повели неправильно. Это надо же, послать ко мне Осси с угрозами! Да он начинает заикаться, стоит мне взглянуть на него! Между прочим, с вами мне такое не удалось.

– Не удалось, но вы были близки к этому. – Я опять широко ухмыльнулся. – И вы считаете, что еще двадцать минут – и у вас получится. Потому-то вы и предложили мне сесть. Может, вы и правы, но спешу вас заверить: я – совсем не Осси. А вообще я просто убиваю время. Мой босс просил привезти вас к нему на Тридцать пятую улицу без десяти шесть, но я бы не хотел, чтобы мы оказались там раньше десяти минут седьмого. Было бы неплохо преподнести ему урок насчет того, чего следует ожидать от людей, а чего не следует. – Я бросил взгляд на запястье. – И все равно нам скоро трогаться с места. Мне пришлось оставить машину на Третьей авеню.

– Я уже сказала, мистер Гудвин, что мне плохо. Как вижу, вы допили молоко.

– Этого достаточно, спасибо. Так вы не намерены ехать?

– Абсолютно.

– Что вы собираетесь делать? Наберете в рот воды и будете сидеть здесь, пока вам не вручат повестку в суд?

– Я не собираюсь бездействовать. – Ее тон вновь стал резким. – Говорю вам, мне не понравилось их поведение. От миссис Хоторн я не ожидаю ничего разумного, но разве не могла миссис Данн приехать ко мне или пригласить меня к себе, чтобы мы с ней все обговорили? Разве не могла она прямо сказать, что считает завещание несправедливым, и попросить меня подумать над тем, что можно с этим сделать? Или ей не снизойти до признания в том, что она с сестрами считает себя законной наследницей брата по праву родства?

– Они так не считают. Речь совсем не об этом. Сыр-бор разгорелся из-за Дейзи.

– Не верю. Мне кажется, все начал Гленн Прескотт, а сестры помогли ему сговориться с миссис Хоторн. Они думают, что разговаривать со мной можно только посредством запугивания. Сначала они послали сюда мямлю Штауффера, а потом наняли детектива, Ниро Вулфа, который специализируется на поимке убийц. Можно подумать, будто я убийца. Ничего не выйдет. Может, у них есть полное право рассчитывать на свою долю богатства Ноэля... мистера Хоторна, но получают они ее только после соответствующего решения суда.

– Ладно, – закивал я, – тут я с вами соглашусь. Целиком и полностью. Эти сестры – стая стервятников, Прескотт – двуличный крючкотвор, а Штауффер – жалкий Осси. Но могу ли я задать вам один гипотетический вопрос?

– Одним гипотетическим вопросом вы не заставите меня переменить мнение, мистер Гудвин.

– Но я все равно спрошу. Для нас обоих это станет отличным упражнением и позволит с пользой провести время. Давайте скажем, исключительно в качестве гипотезы, разумеется: Ниро Вулф – беспощадный, бесчестный и коварный человек; вы досадите ему, отказавшись приехать и поговорить с ним; он захочет отомстить вам,

и ему в голову придет блестящая идея оспорить завещание не на том основании, что оно несправедливое, а на том, что оно поддельное. Он способен...

– Так вот что это такое! – Глаза мисс Карн просвечивали меня насквозь. – Это и есть новая угроза, да? Она ничем не лучше первой, даже еще хуже. Разве не сам мистер Прескотт составил завещание? Разве не у него оно хранилось все это время?

– Все так, в том-то и дело. Ведь вы считаете, что он в сговоре против вас, верно? Поскольку составил завещание Прескотт и хранилось оно у него, кто, как не он, сможет лучше подкрепить заявление Вулфа о том, что произошла подмена и завещание поддельное?

– Нет. Он не сможет. Он же сам заверил подлинность завещания.

– Для кого заверил? Для Вулфа и Хоторнов. То есть для тех самых людей, которые находятся с ним в сговоре.

– Но... – Наоми Карн оборвала себя на полуслове. Ее глаза сузились, и она застыла без движения. Через несколько секунд она медленно произнесла: – Мистер Прескотт не сделал бы этого. В конце концов, он адвокат известной фирмы, его репутация безупречна...

– С каждой минутой вы думаете о нем все лучше и лучше.

– Не важно, что я думаю о нем. Но с другой стороны... Если бы он намеревался сделать мне подобную гадость, то ему достаточно было не обнародовать завещание. Он мог просто уничтожить его.

– У него и в мыслях такого не было. Моя гипотеза состоит в том, что Вулфу приходит идея и все ему подыгрывают. И я с самого начала говорил, что это всего лишь гипотеза.

– Да, говорили. – Она прищурилась. – Так это гипотеза? Или это ловушка, которую готовит мне Ниро Вулф?

– Вам лучше спросить его самого, мисс Карн, – пожал я плечами. – Мне известно только то, что он хочет побеседовать с вами. Его наняли, чтобы убедить вас прийти к некоему соглашению. Я еще не

встречал человека, который выиграл бы что-то от отказа побеседовать с Ниро Вулфом, когда тот просит об этом.

Секунд десять она смотрела мимо меня, а затем внезапно поднялась и, не извинившись, вышла из комнаты. Я тоже встал и приблизился к двери, где постоял, наострив уши, в надежде услышать, как она говорит по телефону, например. Однако то ли квартира была слишком велика, то ли звукоизоляция слишком хороша, но мои расчеты не оправдались. Так прошло минут пятнадцать, и я уже собрался в ознакомительный тур по квартире, как вдруг раздались шаги. Я едва успел вернуться на середину комнаты, когда появилась мисс Карн. Она переоделась в голубое льняное платье и накинула легкий палантин того же цвета, а на голову нацепила что-то вроде шляпки. Тонем диктора она объявила:

– Я еду не потому, что напугана. Впрочем, вас это не касается. Ваша работа – привезти меня туда. Пойдемте.

Не было никакого сомнения в том, что эта женщина схватывает все на лету и предпочитает брать быка за рога. Когда мы оказались на улице, я обнаружил, что шагать рядом с мисс Карн весьма приятно. На данном этапе развития событий она не могла относиться ко мне лучше, чем скворец к гадюке, но поскольку мы вместе шли по тротуару, она предпочла делать это как партнер, а не как противник. Большинство девушек, оказавшись с мужчиной на многолюдном тротуаре, либо висят на нем, либо забегают вперед, либо тянут назад, и я не знаю, что хуже.

Мы не разговаривали, даже когда сели в «родстер» и нырнули в поток автомобилей. Меня это устраивало. Гамбит, с помощью которого я выманил мисс Карн, был импровизацией. Благодарности от Вулфа он мне не принесет, да еще предстояло сообразить, каким образом донести до него чисто гипотетическую природу сделанных мной заявлений. Не то чтобы он стал возражать против того, что его назвали беспощадным, бесчестным и коварным, но ему определенно не понравилось бы то, что я представил его простаком, которого водит за нос его же подчиненный. Я надеялся, что смогу

оставить мисс Карн в гостиной и обмолвиться парой слов с Вулфом прежде, чем приглашу нашу гостью пройти в кабинет. Еще лучше было бы поговорить с ним в оранжерее, но об этом речь не шла, так как прибыли мы в четверть седьмого, к каковому часу он уже спустился и ждал нас за своим столом.

Мой план не удался. Три машины, припаркованные у обочины, предупредили меня о наличии конкурентов. Я открыл дверь своим ключом и провел Наоми Карн в прихожую. Там ожидал Фриц Бреннер, явившийся, чтобы сопроводить нас к Вулфу.

– Он не один? – спросил я.

– С ним леди и джентльмены, которые уже были у нас сегодня, – кивнул Фриц. – Они вернулись. Приехали без трех минут шесть.

– Не докладывай о нашем приходе. – Я обернулся к мисс Карн. – Досадное недоразумение, простите. Боюсь, вам придется подождать несколько минут. – Я двинулся в гостиную. – Здесь, конечно, не так прохладно, как в вашей квартире...

Она тоже тронулась с места, да так быстро, что я безнадежно отстал. Наверное, следовало быть настороже, но откуда мне было знать, что она направится прямо к кабинету, шестым чувством вычислив нужную дверь, и сразу туда ворвется? Я бросился за ней, но, когда достиг порога, она уже стояла внутри, на виду у всех собравшихся. Мне оставалось только нажать на тормоза и предоставить событиям развиваться своим чередом.

Они приехали все в полном составе, за исключением вдовы под вуалью. Сестры Хоторн уставились на нежданную гостью с удивлением, но молча, Сара Данн что-то пискнула, а Осрик Штауффер и Гленн Прескотт не удержались от удивленных восклицаний. Мисс Карн не обратила на них ни малейшего внимания, прошествовала к столу и спокойно обратилась к Вулфу:

– Вы Ниро Вулф? Я Наоми Карн. Мне сказали, что вы желаете обсудить со мной какой-то вопрос.

Джун пробормотала себе под нос:

– Боже праведный!

Мэй вытянула шею, чтобы лучше видеть происходящее. Эйприл же громко расхохоталась и заявила:

– Bravo! Занавес.

Губы Вулфа были плотно сжаты, и прежде чем он раскрыл рот, мисс Карн уже развернулась к Гленну Прескотту:

– Это правда, что вы участвуете в сговоре, чтобы завещание объявили подложным? Отвечайте!

Адвокат так и ахнул:

– Что? В сговоре? Подлог? Что за бред?

– Настаиваю – занавес, – повторяла Эйприл.

Хором заговорили обе старшие сестры, Штауффер пытался утихомирить младшую, а Прескотт и мисс Карн устроили настоящую перебранку, в которой не было сказано ни слова по существу. Наконец все перекрыл громогласный окрик Вулфа:

– Достаточно! Леди и джентльмены! Это мой кабинет, а не рыночная площадь. – В мою сторону полетел пылающий гневом взгляд. – Чтоб тебя, Арчи! – Затем он переключился на адвоката. – Мистер Прескотт, приношу свои извинения за то, что нанял на работу человека, чье необузданное воображение имеет склонность к таким клише, как зловещие заговоры и подложные завещания. Что же касается вас, мисс Карн, то вы, полагаю, сочли себя дерзкой и бесстрашной...

– Пенфесилея^[3], не иначе! – вставила Мэй.

Вулф проигнорировал это замечание:

– ...когда ворвались сюда как на пожар. Взять быка за рога! Пф! Казалось бы, не так уж трудно придерживаться общепринятых норм поведения, даже когда борешься за состояние. И казалось бы, не так уж трудно девушке со столь умными глазами, как у вас, догадаться, что мистер Гудвин бессовестно морочит вам голову. Не отрицаю, у вас имеется причина для огорчения: вы приехали сюда в расчете на частную беседу со мной, а застали здесь множество людей. В этом нет ни моей вины, ни их. Они не знали о том, что вы будете здесь, как и я не знал об их визите. Они приехали без предупреждения,

чтобы рассказать о том, что миссис Ноэль Хоторн, выйдя из моего кабинета, тут же наняла адвоката и тот уже послал мистеру Прескотту официальное требование предоставить копию завещания. Как видите, вы не единственная... В чем дело, Фриц?

В своей величественной манере Фриц замер на пороге кабинета, чтобы объявить о приходе новых гостей, но церемония была безнадежно испорчена, так как его толкнули в спину. Я с удивлением увидел, что толкнул его, пробираясь вперед, не кто иной, как наш старый друг инспектор Кремер из отдела по расследованию убийств. Следом за ним показалось воплощение пессимизма – прокурор Скиннер, а замыкал колонну костлявый коротышка с усами и прошлогодней соломенной шляпой в руках. Фриц, восстановив равновесие и поняв, что объявлять ему нечего, отошел в сторону и мужественно попытался проглотить негодование.

Вулф встретил гостей иронией:

– Добрый день, джентльмены! Как видите, я занят. Не будете ли вы так любезны...

– Все в порядке, мистер Вулф. – Владелец хриплого баса, Скиннер, встал перед Кремером и оглядел лица присутствующих. – Миссис Джон Чарльз Данн? Я окружной прокурор Скиннер. Мисс Мэй Хоторн? Мисс Эйприл Хоторн? У меня для вас есть одна... неприятная новость. – В его тоне слышалось извинение. – Необходимо было найти вас немедленно...

– Позвольте, сэ, это недопустимо! – отчеканил Вулф. – Мы совещаемся по очень деликатному вопросу...

– Приношу свои извинения, – сказал Скиннер. – Поверьте, мне очень жаль. У нас дело чрезвычайной важности, а иначе мы не стали бы вваливаться в ваш дом подобным образом. Мы желаем уточнить несколько деталей касательно смерти мистера Ноэля Хоторна в прошедший вторник. Это случилось в вашем загородном доме в Найеке, не так ли, миссис Данн?

– Да. – Темные глаза Джун сверлили прокурора. – Что вы... Почему вам нужно что-то уточнять?

– Потому что таков наш неприятный долг. – Скиннер стойко выдержал ее взгляд. – В наше ведомство поступило доказательство того, что смерть вашего брата была неслучайной. Доказательство того, что он был убит.

Воцарилась мертвая тишина.

Скиннер и Кремер вглядывались в лица, и я последовал их примеру. Эйприл сидела недалеко от меня, и я уловил, как она выдохнула два слога: «Браво», однако ее бледность и неподвижные глаза свидетельствовали о том, что сама она едва ли слышала себя.

Глава 4

Вулф тяжело вздохнул. Прескотт вскочил на ноги, раскрыл рот, захлопнул его и сел. Осрик Штауффер издал звук, означающий шокированное и негодующее недоверие, но оставшийся незамеченным.

Джун, по-прежнему сверля взглядом Скиннера, проговорила:

– Это невозможно! – И повторила, но уже на более высокой ноте: – Это абсолютно невозможно!

– Как бы я хотел, чтобы так и было, миссис Данн! – провозгласил окружной прокурор. – Искренне хотел бы. Вряд ли кто-либо понимает лучше меня, что это будет значить для всех вас – вас, миссис Данн, вашего мужа и ваших сестер... Все тягостные аспекты этого... И потому я с таким нежеланием... едва смог себя заставить...

– Это ложь! – произнесла Мэй Хоторн, однако ее голос было не узнать. Он хлестал, словно кнут. – Давайте смотреть правде в глаза, мистер Скиннер. Избавьте нас от причитаний о своей искренности. Мы знаем, что такое политика, и прекрасно понимаем: смерть нашего брата решили использовать для того, чтобы расправиться с моим зятем. Может, у вас это получится. Делайте, что считаете нужным, но избавьте нас от вашего лицемерного нытья.

Скиннер дождался, когда Мэй замолчит, и произнес с достоинством:

– Вы ошибаетесь, мисс Хоторн. Уверяю вас, я искренне и глубоко...

– Вы отрицаете, что уже два месяца ваша свора распространяет клевету о нашем зяте и его отношениях с нашим братом?

– Да, я отрицаю это. Я не принадлежу ни к какой своре, если только вы не имеете в виду мою политическую партию. До меня доходили слухи, многие люди...

– Вы отрицаете...

– Не надо, Мэй, – сказала Джун, беря бразды правления в свои руки. – Какой смысл? – Она снова направила проницательный взгляд

на Скиннера. – Вы утверждали, будто у вас есть доказательство того, что мой брат был убит. Что это за доказательство?

– Я вскоре расскажу вам о нем, миссис Данн, но, чтобы истолковать его как можно точнее, сначала нам необходимо получить от вас определенную информацию. Вот почему...

– Могу ли я задать вопрос? – подал голос Гленн Прескотт.

– Разумеется. – Скиннер кивнул собрату по профессии. – Я обрадовался, увидев вас здесь, Прескотт. Это ни в коем случае не намек на то, будто у миссис Данн могут возникнуть причины для консультации с адвокатом, просто я рад тому, что вы здесь.

– Я тоже, – коротко заметил Прескотт. – Прежде всего, если имело место убийство, то совершено оно было в округе Рокленд, верно?

– Да. – Скиннер резко обернулся, чтобы указать на костлявого коротышку, так и не выпустившего из рук соломенную шляпу. – Позвольте представить мистера Ригана, прокурора округа Рокленд. Мистер Риган, вы, конечно же, слышаны о Гленне Прескотте из фирмы «Данвуди, Прескотт энд Дэвис»?

– Безусловно, – ответил мистер Риган. – Польщен знакомством.

– Понятно, – кивнул Прескотт.

– Мистер Риган обратился ко мне за советом. Если вы желаете, чтобы беседу вел он...

– В этом нет необходимости. Продолжайте. Только сначала еще один момент – не юридического характера, но тем не менее. Вы говорите, что у вас имеются свидетельства того, что Ноэль Хоторн был убит в доме Джона Чарльза Данна, когда находился там с визитом и когда мистер Данн тоже там присутствовал. Разве не правильнее и логичнее было бы прежде всего связаться с самим мистером Данном, вместо того чтобы трезвонить о своих подозрениях всему свету? Особенно учитывая его высокое положение в обществе? Почему же вы предпочли разыскать миссис Данн и выложить свои подозрения ей в присутствии группы посторонних людей?

Лицо окружного прокурора напряглось.

– Мне не нравится ваш тон, Прескотт, – заявил он.

– Мой тон тут ни при чем. Прошу ответить на мои вопросы.

– Вопросы мне также не нравятся, однако я отвечаю. Я целый час пытался разыскать мистера Данна. Как вам наверняка известно, сейчас он находится в Вашингтоне, на заседании комитета сената. Мне не удалось с ним связаться. Тем временем выяснилось, что миссис Данн и ее сестры уехали на встречу с Ниро Вулфом. Никто ни о чем не трезвонил, более того, я был бы счастлив, если бы о случившемся вообще никто не узнал. Я являюсь политическим оппонентом, причем убежденным оппонентом, госсекретаря Данна и администрации, которую он представляет, но, Богом клянусь, я не из тех, кто сражается грязными методами, и вы должны знать это, даже если мисс Мэй Хоторн не в курсе. Ваши инсинуации о том, будто я занялся миссис Данн, испугавшись прямого обращения к самому Данну, необоснованны и оскорбительны. Ко мне обратился мистер Риган, предъявив обнаруженные им улики и попросив совета. Чтобы интерпретировать данные улики с максимальной точностью, нам требуется информация от миссис Данн и, возможно, от кого-нибудь еще. Я прошу, чтобы и она, и все остальные оказали содействие в выполнении моих обязанностей.

Прескотт, ничуть не смущенный этой отповедью, спросил:

– Что это за улики?

– Не знаю. Не могу точно сказать, пока не получу недостающую информацию. Мне всего лишь нужны факты. Вы же не думаете, будто я собираюсь хитрить в вашем присутствии?

Скиннер обернулся к Вулфу:

– Если вы желаете, чтобы мы покинули ваш кабинет, то...

Вулф покачал головой:

– Ваше дело более срочное, чем мое, сэр. Арчи, Фриц, еще стулья.

Мы с Фрицем притащили из гостиной несколько стульев. Наоми Карн отошла на задний план, к книжным полкам, и я поставил стул для нее там. Выглядела она, на мой взгляд, бледновато. Молодежь в количестве трех человек подвинулась, уступая место представителям

закона и правопорядка: Эндрю Данн встал поближе к матери, девушки отступили назад. Инспектор Кремер вышел в прихожую и через мгновение вернулся вместе с моим давнишним знакомцем сержантом Пэрли Стеббинсом. Сержант не соизволил ответить на мое приветствие, когда выхватывал предложенный мною стул, и устроился со своим блокнотом и карандашом на углу моего стола. Ну и я решил не извиняться, когда носок моего ботинка абсолютно случайно ударил его в голень.

Прескотт обратился к Ниро Вулфу:

– Ваш... – Он указал на меня. – Этот человек умеет стенографировать?

– Да. Арчи, твой блокнот, пожалуйста.

Я смерил Пэрли насмешливым взглядом и раскрыл свой блокнот как раз в тот момент, когда Скиннер заговорил снова:

– Все, что мне нужно, миссис Данн, – это несколько фактов. Я постараюсь, чтобы мои расспросы не причиняли вам излишних страданий. Итак, во вторник, одиннадцатого июля, в вашем загородном доме в округе Рокленд собрались гости. Это верно?

– Да. – Джун наклонилась к Прескотту. – Хочу, чтобы вы знали, Гленн: я склонна согласиться с Мэй в том, что все это очень похоже на политические интриги.

– Я тоже.

– Так следует ли мне отвечать на вопросы этого джентльмена?

– Да, – мрачно ответил Прескотт. – Если вы откажетесь, будет только хуже. Я рядом, и если он... я вас остановлю. К тому же ведется протокол беседы.

– Жаль, что нет Джона. Я позвоню ему...

– Не думаю, что вы сможете до него дозвониться. Доверьтесь мне в этом, Джун. И не забывайте, что здесь ваш сын. Он ведь тоже адвокат. Что посоветуете, Энди?

Парень похлопал мать по плечу и сказал сиплым голосом, в который постарался вложить максимум уверенности:

– Не бойся, мама. Если он станет ловчить...

– Не стану, – сухо оборвал его Скиннер. – По какому поводу вы собирали гостей, миссис Данн?

– Мы хотели отметить двадцатипятилетие нашей свадьбы. – Джун смотрела прокурору в глаза и говорила отчетливо и продуманно. – Поэтому приехал и брат, хотя уже некоторое время они с моим мужем старались не встречаться. Мы все знали, какие распускаются слухи о займе Аргентине, и старались вести себя осмотрительно...

– Это лишнее, Джун, – вставил Прескотт. – На вашем месте я бы оставил в стороне подоплеку и придерживался голых фактов.

– Да, прошу вас о том же, – согласился Скиннер. – Назовите, пожалуйста, всех, кто присутствовал.

– Мой муж. Я. Наш сын Эндрю и дочь Сара... Нет, Сара приехала после того, как... Она приехала позже, вместе с мистером Прескоттом. Еще там были мои сестры Мэй и Эйприл и мой брат с женой. И мистер Штауффер, Осрик Штауффер. Мы отмечали годовщину в семейном кругу, но мистер Штауффер приехал к моему брату по делу, и мы пригласили его присоединиться к нам. Это все.

– Простите. Еще там была я.

Джун обернулась на голос:

– Ах да, верно, Селия, вы тоже были. Прошу прощения. Мисс Селия Флит, секретарь моей сестры Эйприл.

– Теперь все, миссис Данн?

– Да.

– Кто-нибудь из прислуги находился в доме?

– Только семейная пара из деревни. Жена готовит для нас, а муж работает в саду. У нас небольшой участок, и живем мы скромно.

– Их имена, если позволите?

– Я знаю этих людей, – сказал мистер Риган.

– Хорошо. Продолжим, миссис Данн. Как вам хорошо известно, на место события были вызваны доктор Джайгер, судебный медик округа, и местный шериф мистер Брайант. Они прибыли, задали необходимые вопросы и записали ответы. Я ознакомился с

протоколами. Там указано, что около четырех часов пополудни ваш брат взял дробовик и ушел в поля стрелять ворон. Это верно?

– Нет. Он хотел подстрелить ястреба.

– Но, как я понял, он подстрелил двух ворон.

– Может, и так, но его целью был ястреб. Он обсуждал это с моим мужем, за этим и отправился в поля.

– Прекрасно. Подстрелил он тем не менее двух ворон. Выстрелы слышали в доме, не так ли?

– Да.

– И ваш брат не вернулся. Без четверти шесть ваш сын Эндрю и молодая женщина – насколько я понял, это вы, мисс Флит, – вышли из леса и наткнулись на его тело. Выстрелом из ружья, которое лежало неподалеку, мистеру Хоторну снесло полголовы. Ваш сын остался там, а мисс Флит пошла в дом, который находится в четырехстах ярдах по другую сторону леса, чтобы оповестить мистера Данна. Затем мистер Данн лично позвонил в Нью-Сити. Шериф Брайант с помощником прибыли на место события в восемнадцать тридцать пять, а доктор Джайгер несколькими минутами позднее. Они пришли к заключению, что либо Хоторн споткнулся о куст – тело лежало в зарослях кустарника, – либо спусковой крючок дробовика зацепился за ветку, то есть что оружие выстрелило случайно.

– Они все согласились с этой версией, что и зафиксировано в официальных заключениях, – уточнил мистер Риган. – Этим бы все и закончилось, если бы не Лон Чемберс.

– Кто такой этот Лон Чемберс? – спросил Прескотт.

– Помощник шерифа, – пояснил Скиннер, и его взгляд скользнул через плечо Джун к ее сыну. – Вы Эндрю Данн, правильно? – (Молодой человек подтвердил это.) – Тело Хоторна обнаружили именно вы – вы и мисс Флит?

– Да, мы.

– Вы сразу же решили, что он мертв?

– Конечно. Это было очевидно.

– Вы остались рядом с телом, послав мисс Флит в дом, чтобы сообщить о происшествии вашему отцу?

– Она сама вызвалась. И вообще вела себя очень храбро. – Он отвечал с воинственным и презрительным видом, и те же чувства слышались в его тоне. – Все это я уже говорил шерифу и медэксперту, а они, как вы сами только что сказали, записали мои слова. Вы читали протоколы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Завещание

Примечания

1

Женщина (фр.).

[Вернуться](#)

2

Одно из многих значений «флит» (англ. fleet) – быстрый, приткий, проворный.

[Вернуться](#)

3

Пенфесилея (Пентесилея) – в древнегреческой мифологии царица амазонок, дочь бога войны Ареса и царицы амазонок Отреры.

[Вернуться](#)